

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
2. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – Москва: Русский язык, 2000. – 846 с.
3. Минович А., Дулевич И., Грек-Пабис И., Марыняк И. Большой русско-польский словарь / А. Минович, И. Дулевич, И. Грек-Пабис, И. Марыняк // Москва: Русский язык, Warszawa: Wiedza powszechna, 1980. – 784 с.
4. Национальный корпус русского языка: информационно-справочная система, основанная на собрании русских текстов в электронной форме. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>. – Дата доступа: 20.02.2016.
5. Русско-английский словарь / Сост. О.С. Ахманова и др.; под общ. ред. А.И. Смирницкого. – 16 изд. – М.: Русский язык, 1991. – 68 с.
6. Словарь современного русского литературного языка: т. 13 / редкол.: Ф.П. Филин (гл. ред.) [и др.]. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 1516 ст.
7. Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О.Н. Трубачев. – Москва: Издательство АН СССР, 1959. – 215 с.
8. Buck C.D. A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages / C.D. Buck. – Chicago & London: The University of Chicago Press, 1988. – 1515 p.
9. Family // Oxford Living Dictionaries. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/family>. – Дата доступа: 20.02.2016.
10. Rodzina // Poradnia językowa. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/rodzina-nuklearna;14013.html>. – Дата доступа: 20.02.2016.
11. Słownik języka polskiego. T. VII / Red. W. Doroszewski. – Warszawa: PWN, 1965. – 1499 s.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОГНИТИВ РУССКИХ ЧЕРЕЗ ЦВЕТОВОЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД ETHNOCULTURAL COGNITIVE PROFILE OF THE RUSSIAN PEOPLE THROUGH COLOR CULTURAL CODE

О. И. Уланович, Е. А. Леонтьева

O. I. Ulanovich, E. A. Leontyeva

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: ulanovA@bsu.by, kaskagonch@mail.ru

В статье представлены результаты исследования этнокультурных особенностей образа личности, структурированного посредством цветового культурного кода в национальном массовом сознании. Авторы моделируют

цветовой этнокультурный когнитив русский, обнаруживают национальную специфику и когнитивные механизмы цветосимволизма, анализируют уникальные в русском языке случаи цветового ассоциирования личностных черт.

Ключевые слова: национальная картина мира, коды культуры, цветовой код, этнокультурный когнитив, колоративы, цветосимволизм.

The article presents the results of the study of ethnocultural features of the personality profile, structured through color cultural code in the national consciousness. The authors develop a cognitive profile of Russians through color cultural code, reveal national specificity and cognitive mechanisms of color symbolism, analyze unique cases of color association of personal traits in the Russian language.

Key words: national language image of the world, culture codes, color code, ethnocultural cognitive profile of a person, color names, color symbolism.

Идея фиксирования в языковых знаках этнокультурных особенностей мировидения народа была озвучена в крайне категоричной форме в хорошо известной гипотезе лингвистической относительности Э. Сепира – Б. Уорфа, согласно которой «мы воспринимаем те или иные явления так или иначе благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» [5, с. 39]. Для интерпретации своей идеи Э. Сепир привлек термин «несоизмеримость» языков: разные языки не просто иными способами репрезентируют содержание культурно-исторического опыта народа, но и «навязывают» всем говорящим на том или ином языке определенные способы освоения действительности, модели восприятия [5, с. 39].

Б. Уорф, в свою очередь, интерпретировал принцип лингвистической относительности следующим образом: «Мы расчлняем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе, в основном потому, что мы – участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка» [9, с. 97].

Отмеченное позволяет утверждать о «билатеральной – двусторонне симметричной – зависимости языковых и психических компонентов» [7, с. 4]. С одной стороны, языковые средства выступают инструментом «материализации» содержательных компонентов индивидуального и массового сознания, что позволяет нам приблизиться к постижению таких сущностей, как менталитет, национальный характер, социальные представления и установки. С другой стороны, языковые единицы, встраиваясь в индивидуальное языковое сознание, формируют

культурно маркированные смыслы – определенную систему координат для понимания и оценки человеком мира, других людей и себя в этом мире [7, с. 4]. Как отмечает в этой связи Е.Ю. Позднякова: «Язык, являясь наиболее важным продуктом культуры, властвует над мышлением, а различные языки заставляют своих носителей по-разному конструировать реальность» [4, с. 24].

Вышеизложенные положения формируют, по сути, семантический диапазон современного понимания национальной картины мира, выступающей многоаспектным явлением, интегрирующим различные компоненты человеческого бытия: культуру, социальные установки, ценности, отношения, подсознательные образы и представления, которые находят свое материальное воплощение в языке и речи. Национальная картина мира является отображением исторического и социального опыта отдельно взятого народа, зафиксированного в самобытности и национально-культурном своеобразии мироощущения народа; это синтез представлений о мире, сформированный у некоторого этнического сообщества под влиянием разнообразных факторов, который материализуется в культуре и словесности.

В национальной картине мира коды культуры репрезентируют национально-культурные эталоны мировосприятия людей. Согласно Р. Барту, культурные коды – это отголоски того, что уже было читано, видано, сделано, пережито; код – это след прошлого [1, с. 39]. Тем самым акцентируется диахронно кумулятивный, онтологический (проистекающий из бытия и сущего) характер культурного кода. Существование кодов культуры фиксируется во всех этнокультурных сообществах и во всех языках, однако значимость каждого кода в определенной культуре национально и культурно детерминирована.

Коды культуры (соматический, пространственный, предметный, биоморфный, цветовой, духовный и т. д.) задают некоторый когнитивный ландшафт для перцепции и оценки мира и структурируются эталонами культуры – единицами «меры всех вещей» для того или иного народа. Цветовой культурный код, как один из наиболее древних, генерирует разнообразные стереотипы и квазистереотипы оценок в культуре. Показательно, что цвет определенным образом разграничивает, категоризирует базовые образы культуры и мифологизируется в народном сознании: оранжевый – добро, синий – зло, черный – траур, белый – непорочность и т. д. Модель цветowego культурного кода характеризуется разнообразием мифологических представлений о цвете, создающих ценностные стереотипы языкового сообщества.

В настоящем исследовании предлагаем акцентировать роль цветообозначений в процессах миропонимания, человеческого самопознания, рефлексии и самооценки. В фокусе нашего внимания – специфика этнокультурного видения и оценки языковой личностью себя и других, обнаруженная на материале фразеологических единиц (ФЕ) с колоративным компонентом в русском языке – этнокультурный когнитив тип русских через фразеологическую активность колоративов (цветовой культурный код).

Экспериментальный корпус нашего исследования, структурированный на материале ряда словарей [2; 3; 6; 10], составили 109 колоративных антропоцентрических ФЕ русского языка, что позволяет заявлять о его высокой репрезентативности и фактически исчерпывающем характере. Семантический анализ единиц осуществлялся по ранее разработанной и апробированной нами на материале английского языка классификационной схеме [8], интегрирующей группы фразеоломнинантов по критерию специфики описываемых человеческих качеств (его физических, психологических или социальных характеристик). Итак, предложенная и осуществленная нами семантическая классификация антропоцентрических ФЕ русского языка с колоративным компонентом включает следующие семантические группы элементов: «**эмоции, чувства**» (19 единиц, 17,4%), «**социальные характеристики**» (40 единицы, 36,7%), «**индивидуально-личностные характеристики**» (46 единица, 42,2%), группа «**единичные случаи** вторичной семантики цветолексем» (4 единиц, 3,7%).

Метафорическая экспансия цветового кода в сферу **эмоций** и **чувств** человека обнаруживается через цветовые ассоциации, существующие для следующих душевных переживаний (таблица 1):

Таблица 1 – **Вторичная семантика цветолексем в передаче эмоций и чувств человека в русском языке**

Эмоции	Печаль, уныние, тоска	Ярость, гнев	Боязнь, страх	Зависть, ревность	Смушение	Безразличие
Кол-во единиц	7	4	2	3	2	1
%	36,8	21,1	10,5	15,8	10,5	5,3
Доминирующие цвета	черный	белый	белый зеленый	зеленый белый	красный	фиолетовый

Цветосимволизм в ФЕ русского языка наиболее выражен в передаче таких человеческих эмоциональных состояний как **печаль, уныние,**

тоска, объединенных нами в одну семантическую подгруппу, с доминированием **черного** цвета: *быть / стать чернее тучи* ‘быть мрачным, подавленным’, *черная меланхолия* ‘мрачное, подавленное настроение, хандра’, *черные мысли* ‘мрачный, безотрадный’, *черная скука, тоска* и др.

В выражении таких эмоциональных состояний как **ярость, гнев** основным цветом вторичной семантики является **белый**: *довести до белого каления, белый от злости, страха и т. п.* ‘выводить кого-либо из терпения’. Отмечено присутствие **красного** и **зеленого** цветов: *действовать как красная тряпка на быка* ‘приводить в бешенство’, *зеленеть от злости* ‘злой, рассерженный’.

Боязнь и страх в символическом цветообозначении русского языка выражены в бело-зеленой цветовой гамме: *белый как мел / смерть / полотно* ‘испуганный’, *позеленеть от страха* ‘напуганный’.

Цветами, определяющими **зависть / ревность**, являются **зеленый, черный** и **желтый**: *зеленоглазое чудовище* ‘зависть’, *белая зависть, черная зависть*.

Красным цветом передается эмоциональное состояние **смущения**: *покраснеть до корней волос* (от стыда или смущения), *красный как рак*.

Эмоциональное состояние **безразличия** передается фиолетовым в единичном употреблении: *мне фиолетово* ‘все равно, без разницы’.

В семантической группе «**социальные характеристики**» обнаруживаются следующие так или иначе ассоциируемые с цветом проявления социального бытия человека (таблица 2):

Таблица 2 – Вторичная семантика цветолексем в передаче социальных характеристик человека

Социальные характеристики	Взаимоотношения	Социальный статус	Профессии / функциональные имена	Антисоциальное поведение
Кол-во единиц	4	12	20	4
%	10	30	50	10
Доминирующие цвета	черный	белый, черный	белый	черный

Взаимоотношения между людьми обозначены **черно-бело-синей** цветовой гаммой с доминированием **черного**: *черная кошка пробежала* ‘ссора, размолвка’, *держаться в черном теле* ‘сурово, строго обращаться с кем-либо, притеснять’, *синь порох в глазу* ‘самый дорогой, близкий человек’, *принц на белом коне* ‘возлюбленный’.

Социальный статус в русском языке определяется широким спектром цветов, таких как **золотой, белый, серый, черный** и **голубой**

в их метафорическом переосмыслении: *золотой мешок* ‘очень богатый человек’, *чернорабочий* ‘выполняющий грязную работу’, *белая кость* ‘человек знатного происхождения’, *серая кость* ‘человек невысокого аристократического происхождения’, *голубая кровь* ‘человек знатного происхождения’.

Во фразеоминантах, формирующих условную подгруппу «**профессии / функциональные имена**» (доминирующую в этой группе – 20 единиц, 48,8%) присутствует широкий спектр цветовых ассоциаций. В этой семантической группе наблюдается отчетливый условный, культурно-исторически и политически детерминированный характер символики цвета в обозначении профессиональной принадлежности, что и формирует семиотику культуры: *красный флот / армия / гвардия*, *белая армия*, *белый билет* (о завершении воинской службы), *белая кухарка* ‘готовящая для господ’ и др.

Фразеоминант *белое духовенство* означает ‘класс низших (немонашествующих) священнослужителей’, а ФЕ *черное духовенство* обозначает ‘монахи, рукоположенные в священный сан (иеродиаконы, иеромонахи, игумены, архимандриты и архиереи)’, которые соблюдают строгие обеты безбрачия, воздержания и т. д. Цветосимволизм в обозначениях профессий священников никак не ассоциируется с цветом облачения и даже обнаруживает полный контраст: цвет подрясников и рясы белого духовенства – черный, темно-синий, коричневый, серый и белый. Тем самым, можно утверждать именно о доминировании семиотики цвета в русскоязычной лингвокультуре при обозначении профессий через цветовые компоненты.

Замеченное, тем не менее, вовсе не исключает наличия примеров цветосимволического обозначения профессиональной принадлежности по принципу метонимического переноса (хотя такие примеры менее численны: *быть под красной шапкой* ‘служить в армии’ (в старину солдаты на Руси носили красную шапку), *синие мундиры* ‘жандармы в дореволюционной России’ (носившие мундиры синего цвета), *белый воротничок* ‘работник офиса’, *зеленые береты* ‘элитное подразделение вооруженных сил’, *черные береты* ‘омоновцы’, *зеленые фуражки* ‘пограничники’ и т. д.

В отмеченной группе профессий / функциональных имен наблюдаются и фразеоминанты, образованные посредством метафтонимической проекции – гибридной формы с различным удельным весом сходства и смежности: *серебряных / золотых дел мастер* ‘ювелир’, *зеленый прокурор* ‘сбежавший с места заключения в летнее время’.

Антисоциальное поведение человека передается такими цветами, как **белый, зеленый и черный**: *белая горячка* ‘о пьянстве’, *под зеленым змием* ‘сильно пьян’, *творить свои черные дела* ‘тайно совершать преступления’, *черное пятно* ‘человек, позорящий свою семью / коллектив поведением / пагубными пристрастиями’.

Вторичная семантика цветолексем в группе **индивидуально-личностных характеристик человека** представлена в следующих семантических подгруппах (таблица 3):

Таблица 3 – **Вторичная семантика цветолексем русского языка в передаче индивидуально-личностных характеристик человека**

Социальные характеристики	Черты личности, характер	Возраст	Внешность	Восприятие	Физическое состояние
Кол-во единиц	22	6	9	7	2
%	47,8	13	19,6	15,2	4,4
Доминирующие цвета	золотой черный	зеленый	черный	розовый черный	белый зеленый

Черты личности и характер определены весьма широким спектром цветовых обозначений: *белая ворона* ‘человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей, непохожий на других’, *серая мышь* ‘скромница’, *синяя борода* ‘злой, жестокий, ревнивый муж’, *черная душа* ‘коварный, способный на подлость’. Здесь также присутствуют **красный, розовый и голубой** цвета: *красные дети* ‘хорошие, послушные дети, добрые помощники в семье’, *жить в розовых мечтах* ‘витать в облаках, мечтатель, романтик’, *голубая мечта* ‘что-то нереальное, человек-мечтатель, фантазер’.

Особой вторичной семантической значимостью в русском языке наделен цвет «золотой», что обнаруживается в 6 фразеонимантах личностных черт: *золотая душа* ‘отзывчивый, добрый человек’, *золотые руки* ‘мастер в своем деле’, *золотая голова* ‘способный, даровитый’, *золотое сердце* ‘добрый, сострадательный’, *сулить золотые горы* ‘обещать сверх меры, человек-трепло’, *золотая середина* ‘перестраховщик, робкий, нерешительный человек’.

Основным цветом, определяющим **возраст** в русском языке, является **зеленый** (*зеленый юнец, молодо-зелено, зеленый возраст, зелен еще*), что акцентирует природную метафорическую проекцию: молодая зеленая трава, листья. Также присутствуют единичные ассоциации с **серебряным и желтым**: *серебряная голова* ‘седой’, *желторотый птенец* ‘молодой, неопытный человек’.

Доминирующим в цветовых ассоциациях **внешности** является **черный**: **черный** как *трубочист*, **черный** от *загара*, **черный** как *смоль / уголь / сажка*. В значительно меньшей степени обнаруживаются ассоциации черт внешности с иными цветами: **красный** (*красна девица, красный молодец*), **синий** (*посинеть от холода*), **белый** (*белый, как лунь 'седой'*) и **желтый** (*желтый как лимон 'о нездоровом цвете лица'*).

Удостоившейся автономного существования в силу высокой репрезентативности выступает семантическая подгруппа «**восприятие**» (7 единиц, 15,6%), которая включает единицы, отображающие специфику перцепции мира в национальном когнитиве русских. Итак, в мировосприятии русского человека доминируют **розовый** и **черный** цвета, причем первый акцентирует идеализированное восприятие, второй – мрачно-пессимистическое как опозитный розовому оценочный квалификатор: *окрашивать в розовый цвет, видеть / представлять в розовом свете / цвете, смотреть сквозь розовые очки; видеть / представлять все в черном цвете / свете, рисовать черными красками*. Рассудительность (или ее отсутствие) в мировосприятии русского человека представлена дифференциацией черного и белого: *называть черное белым, принимать черное за белое 'воспринимать ошибочно'*.

В разработанной нами классификации присутствует группа антропологических фразеонимантов с колоративным компонентом, которую формируют следующие единичные по своей семантике и не поддающиеся типизации ФЕ: *ради красного словца* 'говорить лишнее, для украшения речи', *работать по-черному* 'много работать', *давать красный свет* 'остановить, запретить чью-либо деятельность', *под белы ручки* 'аккуратно вывести, например, пьяного человека, зачастую вызвав наряд милиции, но без гарантии неприкосновенности'.

Анализ и классификация антропоцентрических колоративных фразеонимантов русского языка валидизирует ранее разработанную нами функционально-семантическую классификацию антропоцентрических ФЕ. Это позволяет нам заявлять об **универсальности** выделенных нами трех доминантных групп: а) *эмоции / чувства*, б) *социальные характеристики*, в) *индивидуально-личностные характеристики*) – именно они задают определенную «систему координат» в самопознании и оценке нацией отдельной личности, в соотношении поведения личности с нормами «устава» жизни в обществе. Специфика, количество и репрезентативность выделяемых в каждой группе семантических подгрупп антропоцентрических ФЕ отражает этнокультурные особенности моделирования образа личности

в национальном массовом сознании посредством цветового кода. В русскоязычной лингвокультуре в национальном портрете личности доминируют *индивидуально-личностные характеристики* (с акцентом на чертах личности и характера) и *социальные характеристики* (с акцентом на специфике профессиональной деятельности человека). Человеческие эмоции в национальной цветовой картине мира представлены значительно меньше с акцентом на состоянии «печали / уныния / тоски».

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт; под ред. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Булыко, А.Н. Фразеологический словарь русского языка / А.Н. Булыко. – Минск: Харвест, 2007. – 448 с.
3. Жуков, В.П., Жуков, А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка: 2-е изд., перераб. / В.П. Жуков, А.В. Жуков. – М.: Просвещение, 1989. – 383 с.
4. Позднякова, Е.Ю. Языковая картина мира и языковое пространство во взаимосвязи «язык-культура» / Е.Ю. Позднякова // Филология и человек. – 2010. – № 1. – С. 20–28.
5. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. / Э. Сепир. – М.: Издательская группа «Прогресс – Универс», 1993. – 656 с.
6. Словарь образных выражений русского языка / под. ред. В.Н. Телия. – М.: Отечество, 1995. – 368 с.
7. Уланович, О.И. Ментальные процессы и механизмы языкового сознания / О.И. Уланович // Кросс-культурная коммуникация и современные технологии в исследовании и преподавании языков: материалы II Междунар. науч.-практ. конф, Минск, 25 окт. 2013 г.; под ред. О.И. Уланович. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – С. 3–7.
8. Уланович, О.И., Гончаренко, Е.А. Функционально-коммуникативная значимость вторичной семантики цветолексем в структуре антропоцентрической фразеологии с колоративным компонентом / О.И. Уланович, Е.А. Гончаренко // Гендер и проблемы коммуникативного поведения: материалы 6-й междунар. науч. конф., Полоцк, 27-28 окт. 2016 / редкол.: М.Д. Путрова [и др.]. – Новополоцк: ПГУ, 2016. – С. 162–166.
9. Уорф, Б.Л. Наука и языкознание / Б.Л. Уорф // Зарубежная лингвистика. – Вып. I. – М.: Наука, 1960. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/worf-60a.htm>. – Дата доступа: 14.05.2017.
10. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Фёдоров. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 828 с.